

КОМПОЗИЦИЯ В БЕЖЕВО-РОЗОВЫХ ТОНАХ

«Левоецентризм» как национальный русский продукт

В российской политической элите сейчас доминируют настроения, которые у нас называют «левоцентристскими». За право ношения почетного звания «левоцентрист» развернулась нешуточная конкуренция. Вспомним, как встрепенулся Геннадий Селезнев, услышав, что по левому центру намерен сыграть даже Юрий Лужков. Может, мэр перепутал левую ногу с правой? Возможно, что и перепутал. Для российского политика это нормально. Это даже нельзя назвать ошибкой, ибо система наших политико-идеологических размежеваний глубоко своеобразна, слова «левый» и, соответственно, «левый центр» в России значат нечто совсем иное, чем в остальном мире, включая даже другие посткоммунистические и постсоветские страны.

Деление на правых и левых, возникшее от случайного выбора мест депутатами в эпоху Великой Французской революции, в конечном счете служит формой политического выражения двух имманентных любому человеку и человечеству в целом устремлений — к прекрасному прошлому и к прекрасному будущему. Правые ценности — всегда и во всем мире — это опора на традиции, скептическое отношение к возможностям человеческого разума, вера в неизбежность социального неравенства и преимущества старой иерархической организации общества, признание ценности своей религии, патриотизма и национального своеобразия. Левые, наоборот, более веруют в человеческий разум и науку, отрицают традиции и догмы, смысл которых давно никому непонятен, выступают против традиционных иерархий и национальной замкнутости. Довольно долго измерение «левые — правые» прекрасно помогало ориентироваться в многообразии политических настроений и идеологий. Сегодня, когда от традиционных иерархий и ценностей уже мало что осталось, оно работает значительно хуже, но и сейчас все-таки ясно, что Рейган правее Клинтона, а Ле Пен — Жоспена... В России до Октябрьской революции и даже до Сталина тоже все было более или менее понятно. Были совсем правые сторонники «самодержавия, православия и народности», просто правые, умеренно левые вроде кадетов, левые и ультралевые вроде большевиков или левых эсеров, готовых во имя прекрасного будущего зарезать хоть мать с отцом. Как во всем незападном мире, русские левые были западниками, ибо прогресс и разрушение традиционного мира шли с Запада.

Но победа ультралевых, задержавшихся на семьдесят с лишком лет, чего не было нигде в мире, сломала эту систему координат. Российские коммунисты перестали быть левыми в эпоху позднего Сталина, первого «великого постмодерниста», продолжившего дело Маркса—Энгельса—Ленина и одновременно — Ивана Грозного. Немыслимая идеологическая эклектика сталинской эпохи была прямым порождением и отражением объективного парадокса национальной империи, созданной ультракосмополитами, жесткой социальной иерархии, созданной ультраэгалитаристами, и новой религии, созданной из «ультранаучной» идеологии. Этот «красно-коричневый» эклектизм, смешение ультраправого и ультралевого, вытекал из самого существования советского строя, пережил советскую эпоху и на очень долгое время, если не навсегда, сделал

общепринятое измерение «правые—левые» неприменимым к России. Более того, после падения советской власти он не мог не усилиться и достиг просто чудовищных размеров.

Идеология КПРФ — еще менее левая в западном смысле этого слова, чем сталинская или брежневская, ибо при Сталине и даже при Брежневе все же сохранялось, пусть уже выдохшееся, устремление к «прекрасному будущему». Идеология коммунистов-зюгановцев главным образом обращена к прошлому, к поискам утраченного рая. Причем советский и досоветский варианты рая сливаются в их сознании, и коммунисты совершенно естественно оказываются в блоке с клерикалами, монархистами и националистами, не в силах, однако, полностью отказаться и от левых, марксистско-ленинских ценностей. Получается нечто, с западной точки зрения, противоестественное и безумное — идеология, которая, с одной стороны — почти национал-социализм, а с другой — почти ранний большевизм. И это при том, что носителями столь радикальных идей выступают люди весьма умеренного темперамента, типичные выходцы из брежневской номенклатуры. Идеологический эклектизм — источник и силы коммунистов, и их бессилия. Силы — поскольку они могут объединять оппозиционеров самых разных оттенков и опираться на всю мощь русского традиционализма. Бессилия — ибо никакой ясной перспективы они предложить не могут и обречены, несмотря на свои электоральные успехи, на роль вечной оппозиции — роль, от которой они явно устали, так что готовы даже стать младшими партнерами в коалиции «левого центра». Они уже отбросили наигранную революционность начала 90-х годов и достаточно смягчились, чтобы стать такими партнерами. Но они не могут полностью изменить свой цвет, не могут перейти к принципиально иной идеологии, как это сделало в начале 90-х большинство нашей элиты — время для этого прошло, места уже заняты. Наши коммунисты — «красно-коричневые», и «смягчиться» для них — это стать «бежево-розовыми».

Но и в мировоззрении демократов, ставших партией власти, тоже произошли большие сдвиги. Победившие либералы-западники стали довольно быстро приобретать бежевый оттенок, а затем и «розоветь». Находящийся в постоянном конфликте с парламентом и написавший себе авторитарную Конституцию, Ельцин не мог не начать снова опираться на традиционные русские символы и ценности, ибо клятвы демократией постепенно стали неуместными и неприличными. Он снова, хотя и в очень смягченной форме, стал бороться с Западом и, если бы не победа чеченцев, может быть, предпринял бы попытку возродить империю. Совершенно не случайно именно примаковская внешняя политика стала первым элементом консенсуса коммунистов и партии власти. Кроме того, бюрократия, уже получившая от приватизации все что можно, естественно, захотела потеснить классово чуждых, выполнивших свою роль и обнаглевших нуворишей-олигархов, что в какой-то мере проявлялось даже в поведении самого Ельцина.

Но достижению реального консенсуса мешает сама фигура Ельцина. Сдружиться с ним для коммунистов — значит утратить смысл своего существования. Да и для Ельцина это невозможно. Однако новый «бежево-розовый» блок во главе с патриотом, борцом за Севастополь, глубоко церковным человеком, одновременно социалистом, которому нравится Тони Блэр, и в то же время преуспевшим в роли мэра процветающего капиталистического города, вполне может объединить две ветви номенклатуры — демократическую и коммунистическую. В наборе скрепляющих новый блок слов и символов ключевыми, очевидно, будут ставшие очень популярными в элите слова «государственник», «патриотизм», «национальный интерес». Популярность их

имеет глубокие основания. Для людей, в 1991 г. отрекшихся от своей идеологии, существовало два не слишком убедительных самооправдания: через «прозрение», наступившее именно в это время, и объяснение по «модели Штирлица» («делая вид, что я честно служу системе, я подтачивал ее изнутри»). Но если тебе пришлось в ходе своей карьеры отречься несколько раз подряд — сначала от брежневского коммунизма, затем от Горбачёва, а затем уже и от Ельцина, единственная идеология, способная сделать из этого предмет доблести и героизма, — это идеология государственности и патриотизма («все мои начальники были одновременно начальниками России, и поэтому, служа им, я служил Родине»).

Примаков в этом смысле — классический государственный и даже державник. Лужков, который сначала служил Ельцину и боролся с коммунистами, а сейчас критикует ельцинский режим и оказывает коммунистам знаки внимания, — тоже государственный. Чего-чего, а государственных у нас хватает. А когда Ельцин уйдет и все, естественно, от него отрекутся, под знаменем государственности левоцентристский блок может объединить очень большую часть нашей элиты, которая, обретя наконец нужное слово, вздохнет облегченно — кому бы она ни служила и от кого бы потом ни отрекалась, она «всегда служила России».

Фактический левый центр создает комбинацию символов, которая вполне могла бы стать идейной основой новой, реформированной партии власти, включающей умеренных коммунистов и исключаящей романтиков либерального и «красно-коричневого» толка. На этом можно было бы достичь всеобщего консенсуса и поставить точку, если бы не одно неприятное для элиты, но хорошее для России обстоятельство — выборов все равно уже не избежать. А значит, будет и какая-то «правоцентристская» коалиция. Пока она еще не определилась, процесс нахождения своих знаков, ключевых слов и лидеров на правом фланге задерживается. Но ясно, что в стране, где «левый центр» формируется с благословения патриархии, «правый» тоже должен быть очень своеобразным. Скоро мы его увидим.